

РК-ХГУ-1

Степанов Т.

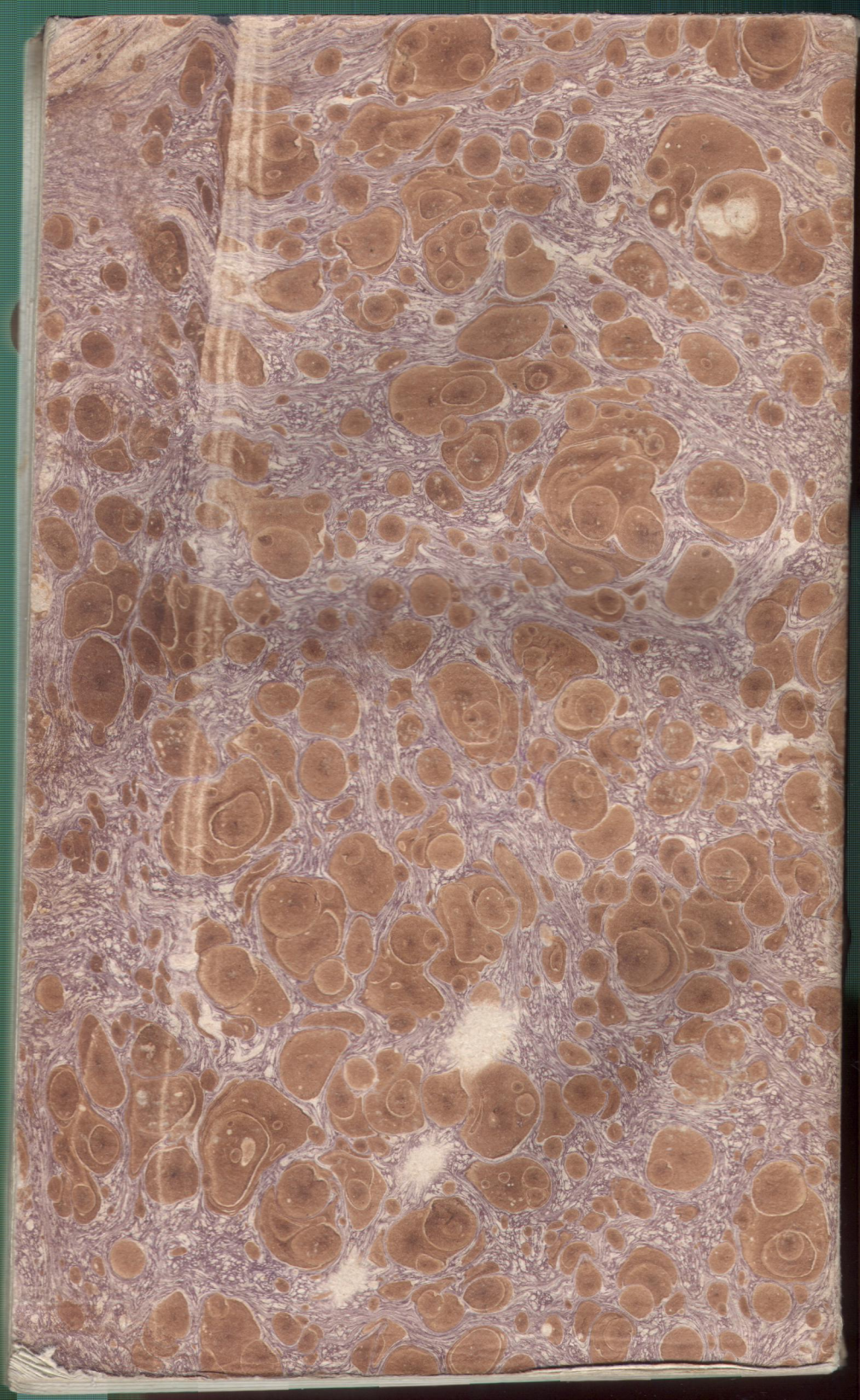
Речь о сущности

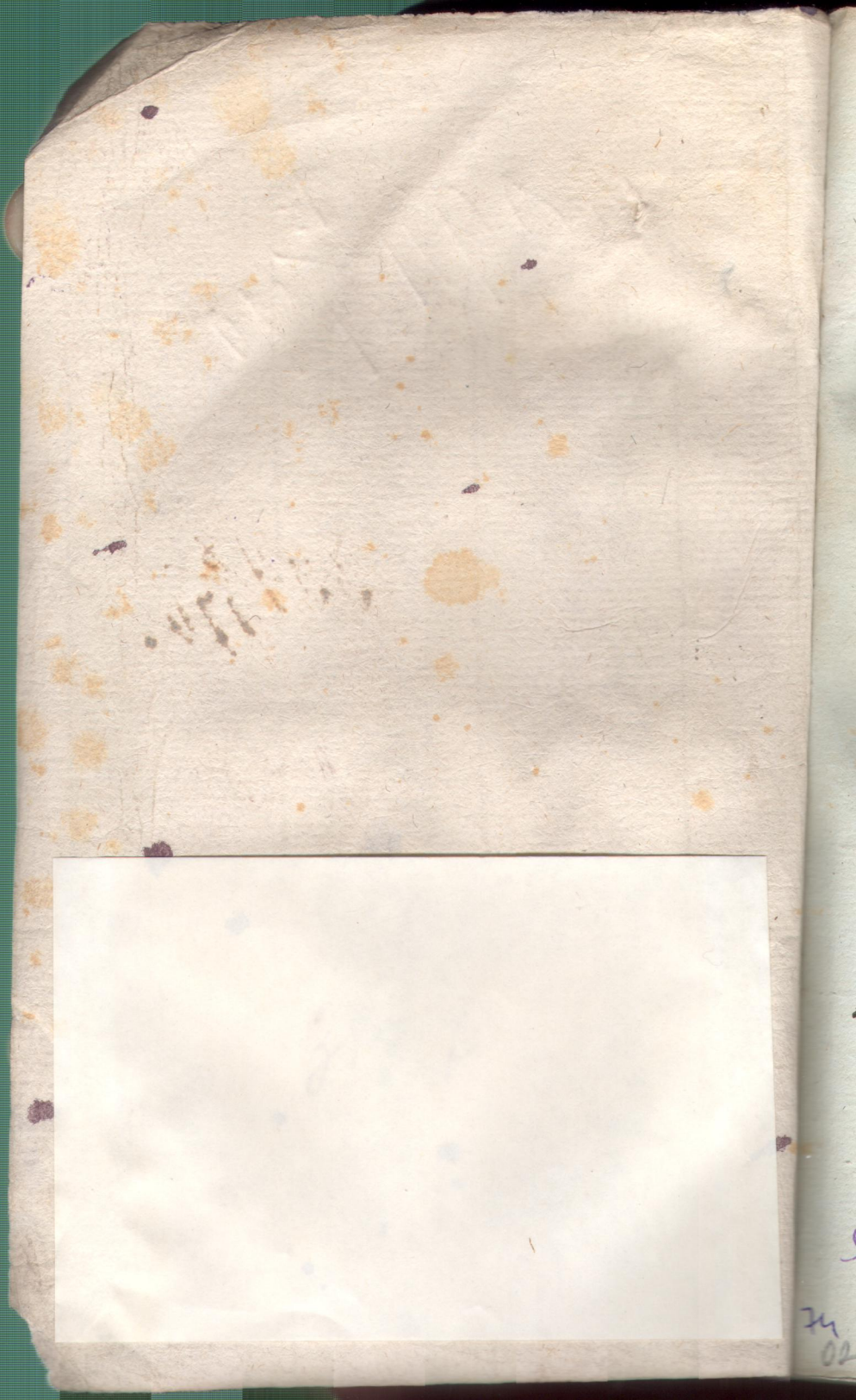
ти

48795

394/170

394/170

L. 1
~~394/8~~
~~170~~
Р Б Ч Ъ,

**О СУЩНОСТИ, ВАЖНОСТИ И
НАЗНАЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ
НАУКЪ,**

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ

Торжественномъ Собраніи

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Универ-
ситета Э. О. Профессоромъ Политической
Экономіи и Дипломатіи
Тихономъ Степановымъ.

30 Августа 1833 года.

~~~~~
Х А Р Ъ К О В Ъ,

Въ Университетской Типографіи.

1833.

Съ дозволенія Совѣта Университета.

24721

Почтеннѣйшіе Посѣтители!

Нынѣшній день ежегодно посвящается празднованію въ честь основанія благодѣтельнаго нашего заведенія, Университета. Торжественность сего воспоминанія наполняетъ наши души благоговѣйными чувствованіями. Вотъ уже истекло 27 лѣтъ, какъ Науки начали здѣсь изливашь свой неугасаемый свѣтъ, какъ въ первый разъ загорѣлись здѣсь лучи просвѣщенія! — Благодареніе Тебѣ, безсмертный Александръ, Тебѣ, возжегшему сей свѣтъ; Ты шѣмъ самымъ какъ бы указалъ будущее назначеніе Россіи и опдаленнымъ Царствамъ Востока! Благодареніе Высокому Преемнику Его, ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ, мудро ведущему насъ къ доспигенію сего блистательнаго назначенія! — Благодареніе шѣмъ Особамъ, копорыя неушомимою своею дѣятельностью, ревностнымъ своимъ усердіемъ, примѣрными пожертвованіями способствовали учрежденію Университета! Благодареніе вышнему Начальству, покровительствовавшему и покровительствующему нынѣ особеннымъ своимъ вниманіемъ цвѣтущее его состояніе! Благодареніе отличнымъ Наставникамъ со-

грѣвавшимъ и согрѣвающимъ молсдые умы
воспитанниковъ благопворными лучами сво-
ихъ познаній, чшобы они приносили полезныя
плоды дражайшему нашему Ошечеспву! Бла-
годареніе и Вамъ, П. П., удосшоеившимъ свое-
го лесшнаго присущспвія насшоящее шорже-
спво!

Слѣдуя примѣру предшеспвенниковъ мо-
ихъ, посвящавшихъ памяпи сего важнаго дня
разборъ какого либо ученаго, досшопримѣча-
тельнаго предмета, я намѣренъ сдѣлать глав-
ное обзорніе преподаваемыхъ мною въ семь
Университетѣ Полишическихъ Наукъ, и имен-
но, намѣренъ говорить о сущности, важно-
сти и назначеніи оныхъ.

Что сущъ Полишическія Науки? П. П. из-
лагають намъ шѣ законы, по копорымъ Го-
сударспва живутъ и раскрываются въ своей
жизни посшепеннымъ совершенспвованіемъ. —
Міръ сотворенъ; земной шаръ, часть сего мі-
ра, пришелъ въ движеніе по необозримому
пространспву онаго, и, совершая годичнымъ
своимъ обращеніемъ около центральнаго свѣ-
шила миллионы верспъ, пораждаеть и пшпа-
еть изъ себя безчисленныя роды швореній.
Духъ и матерія, первоначальныя явленія Все-
шворящей Силы — Бога, сущъ два главные ос-
нованія сущности земнаго шара, основанія вся-
каго на ономъ бытія. Преобразуя матерію,

духъ поспешенно развивался въ своемъ первоначальномъ восхожденіи, и въ самомъ высшемъ раскрытіи, онъ обнаружилъ себя свободою и разумомъ. Такъ — человѣкъ, какъ окончное швореніе Всепворящей Силы, послѣднее проявленіе духа въ матеріи, по необходимости, естъ существо свободное и разумное.

Человѣкъ началъ жить, и, распросираняясь мало по малу населеніемъ, проявилъ изъ себя Общесшва и Государсшва. Симъ образомъ сосшавились шри лѣспвицы нравсшвеннаго бышя: нераздѣльные, общесшва и народы. — Назначены ли Природою постоянныя, неизмѣняемые законы для сихъ шрехъ родовъ нравсшвеннаго бышя? я полагаю, что, если очевидно по извѣсшнымъ законамъ совершающся всѣ явленія физическаго міра; то могутъ ли несуществовать оныя для міра нравсшвеннаго? Можеть ли вообще находиться въ мірѣ что либо такое, что не жило бы жизни Вѣчнаго? И можеть ли жизнь Вѣчнаго являться гдѣ либо, въ чѣмъ либо внѣ законовъ? Земной шаръ сосшавляетъ цѣлое единсе; онъ имѣеть свою опредѣлишельную организацію; сія опредѣлишельность заключаеть въ себѣ шѣ необходимыя условія, подѣ коими ему жить назначено Природою. Чѣмъ же сія жизнь земнаго шара обнаруживаеться? Съ одной стороны, онъ непосредсшвенно поддерживаеть, умно-

даешъ изъ самаго себя всѣ многоразличные роды твореній; съ другой стороны онъ непрерывно раскрываетъ, совершенствуетъ себя чрезъ человѣка, высшее свое твореніе. Человѣкъ, какъ явленіе, естъ царь земли; какъ царь земли, онъ дѣйствуетъ и какъ бы управляетъ земнымъ шаромъ, обладая всемъ, что ни является внѣ и внутри его. Но, находясь самъ подъ законами жизни земнаго шара, онъ ограничивается разными условіями, изъ круга копорыхъ никогда не можетъ выйти ни въ отношеніи къ себѣ, ни въ отношеніи къ прочимъ твореніямъ. Слѣдственно естъ и не могутъ не быть постоянные, неизмѣняемые законы для прехъ родовъ нравственнаго бытія: для нераздѣльныхъ, для обществъ, для народовъ. Но прежде, нежели начнемъ изслѣдовашъ сіи законы, посмотришь, что представляютъ намъ на опытѣ видимый міръ и Исторія, сія блюстителница фактовъ людей, обществъ и народовъ? — Что намъ представляетъ ими? Война между нераздѣльными, война между классами обществъ, война между народами, война всегда и вездѣ, словомъ: Исторія и видимый міръ открываютъ предъ нами всегдашнюю борьбу во всѣхъ прехъ родахъ нравственнаго бытія. — Внимемъ въ сіи факты примѣчательнѣе. —

Едва первый человекъ воззванъ былъ къ сущесствованію, едва раскрылось въ немъ начало жизни рода человѣческаго, какъ совершилось ужасное преступленіе, брагоубійство. Послѣ такого явленія, чего уже можно было ожидать опъ людей, попомковъ перваго человека? Можно ли было думатьъ, чѣмъ они сохранили между собою священныя чувства единокровія? — И дѣйствительно, чѣмъ болѣе умножалось, распроспранялось по земному шару народонаселеніе, чѣмъ болѣе съ онымъ вмѣстѣ увеличивались, разверпывались общеспвенныя связи; шѣмъ болѣе люди, раздѣляясь безчисленными соотношеніями, спановились одни другимъ чуждыми. Различіе силъ, способностей, характеровъ, чувспвованій, все вообще различіе, обозначающееся въ жизни физической и нравспвенной, проводило между людьми рѣзкія черпы непріязни, вражды. — Еще нѣкошорая близость, сочувспвіе первоначальнаго происхожденія сохранились въ кругу родспвенныхъ; но и шѣ, какъ скоро непосредспвенно дѣйспвуютъ одни въ опношеніи къ другимъ, равно предаются неукрошимымъ чувствамъ раздора. Много ли было такихъ родныхъ, копорые бы, напр. при раздѣлѣ богатыхъ наслѣдспвъ, руководспвовались одною справедливоспію безъ всякихъ видовъ корысплюбія? Много ли брапшевъ, ко-

шорые съ полнымъ чувствомъ удовольствія
 смогрпять на повышеніе къ достоинствамъ
 чести, или на приращеніе богатства своего
 брата? Много ли сестеръ, кошорыя съ искрен-
 нимъ радушіемъ вспрѣчаютъ особенное сча-
 стіе своей единокровной? — Чшо же ска-
 жемъ мы о прочихъ людяхъ, несоединенныхъ
 въ гражданскомъ понятіи близкими связями?
 Когда между ними сущесгвовало общее, от-
 крытое желаніе взаимнаго счастья? Кпо въ
 продолженіе своей жизни не былъ очевидцемъ
 безпреспанныхъ распрей, преспуленій, зло-
 дѣяній? Кпо не видалъ и не видипъ во кругъ
 себя въ непрерывномъ движеніи тысячи
 спрасей въ разныхъ видахъ, подъ разными
 изгибами? — Вездѣ кажется дѣйсгвующимъ
 одинъ эгоизмъ, всѣми, повидимому, управляеть
 своекорыстное самолюбіе. Вотъ, почему мы
 часшо, какъ бы пошворспвуя своей слабости,
 называемъ добрыми полузлыхъ, честными, у
 коихъ вся честность единспвенно состоиптъ
 въ томъ, что они умѣютъ хитрыми расче-
 сгами, коварными сплъшеніями прикрывать
 свои дѣйсгвія, клонящіяся во вредъ другимъ
 и въ пользу собспвенную? Сколько же отъ-
 явныхъ злодѣевъ наслаждаются и богат-
 ствомъ и почесгями? И сколько самыхъ рѣд-
 кихъ, благороднѣйшихъ людей, въ продолженіе
 цѣлой жизни, пьютъ чашу горестей? Окру-

женные со всѣхъ сторонъ людьми, копорыхъ мы обязаны называть согражданами, соошесшвенниками, собрашями, можемъ ли мы однако оспашься покойными въ шомъ, чшобы не содѣлашья когда либо для всѣхъ чуждыми, не бышья опъ всѣхъ забышыми, брошенными, шакъ сказашья, на произволь судъсы, не слушжипъ предметами унизипельнаго, наглаго презръшнтя другихъ? Обшояшпельсшва, опшошенія, наконецъ слѣпой случай, вошья шѣ властелины, копорымъ все, по видимому, въ свѣшѣ, опъ начала его, раболѣпшвуешья, покоряешья. — Такой мѣръ ужасенъ! Гдѣ же, спросяшья насъ шеперь, законы для нераздѣльныхъ? Гдѣ неизмѣняемые законы, копорые бы направляли ихъ желанія, дѣйшвїя? — Смошря на мѣръ, нами изображенный, не должно ли заклюшпья, чшо законы, копорыхъ мы ищемъ, не сущесшвуютъ? —

Теперь взглянемъ мы на жизнь общесшвенную. Опъ самаго начала учрежденія общесшвъ до нынѣшняго времени борьба безшпрерывная владычесшвовала внушри оныхъ. Одинъ классъ спарался оспаривашья права и преимущесшва у другаго, одинъ классъ спремился основашья свое возвышеніе на гибели прочихъ. Земледѣльцы объявляли непримиримую вражду фабриканшамъ и купцашмъ; сїи послѣдніе, когда шолько могли, пошпирали пра-

ва земледѣльцевъ. Классы физическіе вооружались пропиву вліянія на нихъ классовъ нравспвенныхъ; классы нравспвенные равно умножали, усиливали свои гордыя припязанія пропиву правъ классовъ физическихъ. Взглянемъ на Испорію народовъ древнихъ, особенно Грековъ и Римлянъ, и спросимъ: какая эпоха въ оной можешь гордиться совершеннымъ спокойспвіемъ общеспвенной жизни? Когда буря спраспей не воздымала борьбы между классами оныхъ народовъ? Когда главныя спихіи жизни не возмущали полипическаго ихъ организма? Бѣдныя пропиву богатыхъ, рабы пропиву господъ, низшіе и средніе классы пропиву Ариспокраповъ, и взаимно, когда удерживались опъ своихъ шребований, часто буйныхъ? Сколько разъ междоусобныя войны были причиною пролипнія испочниковъ крови между согражданами? Сколько разъ соопечеспвенники, забывъ всѣ свои священные обязанности къ общей своей мапери-Опечеспву, разрушали приобрѣпенія цѣлыхъ спольпій, попрысали важнѣйшія основанія благоденспвія онаго? — Чшо же опкрываеппся нашимъ взорамъ, послѣ эпохи паденія Римлянъ? Менѣ ли возмущипельна была общеспвенная жизнь Европейскихъ народовъ? Мирно ли среднія спольпія погружались одно за другимъ въ вѣчноспъ у каждаго народа нами

обищаемой части свѣта? — Ужасно обращать свои взоры на сіи, такъ сказать, кровавыя времена. Власти духовныя спорили о своихъ правахъ со власями свѣтскими, и самыя свѣтскія были въ непримиримой взаимной борьбѣ между собою. Вассалы возсѣдали противу своихъ Царей и въ тоже время увѣковѣчивали вражду свою одни къ другимъ: брашество въ устахъ, мечъ въ рукахъ — безпрестанно смѣнялись одно другимъ. — Ремесленники и купцы шатались съ своими богачествами отъ корыстолюбія сильныхъ; земледѣльцы шепѣли угнетенія подъ игомъ погдашняго своего сословія: глубокое невѣжество покрывало всѣхъ и все. Но и тогда, когда истинная жизнь обществъ, какъ фениксъ изъ пепла, начала мало по малу возникать, когда всѣ ужасы фанатизма, какъ облака, какъ привидѣнія, исчезали предъ заревомъ просвѣщенія, когда феодализмъ, со всѣми исчадіями междоусобія, поспешенно сокрушался подъ могущественною рукою самодержавія, когда шрудъ, дѣятельность кипѣли, такъ сказать, внутри жизни политическаго организма народовъ, когда вездѣ, во всемъ, казалось, воцарились порядокъ, устройство цѣлаго, — и тогда, говорю, водворилось ли искреннее согласіе между гражданами, между классами однихъ и тѣхъ же обществъ? Прекрапились ли кровавыя позо-

рища среди оныхъ? — Нимало. Новыя времена равно представляють намъ внутреннія несогласія, раздоры обществъ, хопя подъ другими, болѣе или менѣе измѣненными формами; новая жизнь общественная возродила новыя припязанія классовъ и вмѣстѣ породила новыя мяшежи. И пакъ, спросяшъ насъ, какіе находятся законы для общественной жизни? Гдѣ шѣ вѣчные усабы, по копорымъ должны совершаться многочисленныя, непрерывныя движенія полипическихъ организмовъ?

Перейдемъ наконецъ къ жизни опдѣльныхъ между собою народовъ, посмотришь здѣсь еще на ту карпину, копорая представляется всеобщю ихъ Испорією. При первомъ взглядѣ на оную, не приходятъ ли образованный умъ, облагороженное сердце въ содроганіе? Какой народъ и когда жилъ въ вѣчномъ мирѣ съ другими народами? Съ самаго ихъ младенчества, поле кровопролитія не было ли для нихъ полемъ опличій, полемъ героическихъ дѣйствій? — Поколѣнія вооружались прошиву поколѣній; орды пылали ненавистію прошиву орды; вражда народная переживала цѣлыя столѣтія, опцы возвѣщали сыновьямъ своимъ, дѣды своимъ внукамъ побѣды надъ непріятелями, и брали съ нихъ торжественныя кляпвы на будущія войны. Довольно шолько взглянушъ на вновь опкрышыя земли въ опдален-

ныхъ часпяхъ Свѣта, чпобы соспавишь себѣ ясное поняпіе о помѣ, какими были древніе народы въ младенчествующій вѣкъ Азіи, Африки, Европы! — Но когда мало по малу соспавились общеспва, когда образовался, развился полипическій бытъ оныхъ; тогда войны уже приняли новый видъ, новое направленіе: Царспва воспали на Царспва, — явились завоеватели, и каждый возраждавшійся народъ поглощалъ въ себѣ другіе, уже опщѣшавшіе. Одна Исторія Рима, кажется, доспапочна для убѣжденія въ помѣ, чпо доспояніе чловѣчспва едва ли не есть доспояніе однихъ самоиспребленій? — Римъ, сей спрашный, могущеспвеннѣйшій колоссъ земнаго шара, чѣмъ доспигъ блиспапельной спепени своего величія, если не тибелію другихъ народовъ? Онъ росъ, укрѣплялся, усиливался — подавляя извѣстныя тогда Царспва. Наконецъ Римъ палъ, возникли новые народы, возникли вмѣспѣ и новыя войны, или, лучше сказашь, войны, никогда между ними не прерывавшіяся, приняли новое шолько движеніе. Сіи войны разлились самымъ ужаснымъ кровавымъ потокомъ въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ сполѣтій. Всѣ чувспва чловѣчспва, по видимому, тогда были заглушены; казалось, чпо народы увлекаемые какою-шо непоняпною враждебною силою, спремились испребить съ лица

земли одни другихъ. — Какую ужасную картину человѣческихъ спраспей представляешь намъ покореніе Америки? Какими горестными и мрачными мыслями поражаетъ нашу душу продажа несчастныхъ жершвъ Африки, Негровъ? Какое перо въ соспоянніи изобразишь всѣ безчисленныя бѣдспвія, порожденныя долговременными войнами за различіе вѣроисповѣданія, за химеры честполубія сильныхъ Государей? Всѣ спихіи полипического организма народовъ выступали тогда на междоусобную борьбу, и въ сей борьбѣ ихъ, подобно какъ видимъ между частными людьми, между классами общеспвѣ, шоржеспвовали, по большей части, хипроспѣ, лукавспво, подлоспѣ, являвшіяся въ разныхъ личинахъ подѣ именемъ полипики! — И пакъ, спросятъ насъ: гдѣ находяпся законы для жизни народовъ? Гдѣ шѣ законы, по кошорымъ Природа опредѣлила имъ дѣйспвовать между собою? Факты показывають, что сіи законы не сущеспвуютъ. — Спрашно мыслишь о мыслящемъ сущеспвѣ! — Впрочемъ одинъ ли нравспвенный міръ, обнимающій всѣ роды жизни человѣчеспва, представляешь намъ непрерывныхъ волненія? — Не поже ли самое мы замѣчаемъ и въ цѣломъ организмѣ всего земнаго шара? Неравно ли мы видимъ опкрышую борьбу между міромъ физическимъ и міромъ нрав-

спвеннымъ?—Когда не возставали стихіи пер-
ваго прошиву приобрьшеній, доспояній другаго?
Когда и гдѣ не спрадали люди и народы опть
убійспвеннаго вліянія климапа, опть грозныхъ
поптрясеній внуспренностей земли, опть силь-
ныхъ порывовъ гибельнаго воздуха, опть разъ-
яренныхъ волнъ морей и опть пысячи другихъ
физическихъ бѣдспвій? Былъ лиземной шаръ
покоень хопя въ одну эпоху своей жизни? И
такъ, гдѣ законы для цѣлаго міра? Гдѣ законы
для его быпія физическаго и нравспвеннаго? —

Вопть какая карпина изображаеппя предъ
нами Всеобщемо Испоріею челоуѣчеспва! —
Безъ сомнѣнія, на все сіе можемъ оппвѣ-
чапть, что если бы въ самомъ дѣлѣ не были
поспавлены для міра Природою какіе либо
законы; то какимъ образомъ могъ бы оный
и сущеспвовать? Какъ до сего времени,
не смопря на пысячи совершавшихся пе-
ревороповъ, онъ не могъ совершенно раз-
рушпться?—Что поддерживаеппь быпіе она-
го?—Равно оппвѣчаемъ, что если бы не было
законовъ для жизни народовъ, общеспвъ и не-
раздѣльных: то какимъ образомъ самыя Цар-
спва не могли доселѣ исчезнуппь съ лица зе-
мли? —Что мѣшаеппь народамъ взаимно себя
испребипть? Что поспавляєппь границы не-
доброжелательспву классовъ гражданскихъ
общеспвъ? Что наконецъ умѣряеппь сильныя

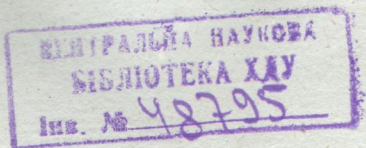

спрасти, безчисленные пороки нераздѣльных? — Но опять иные могутъ спросить насъ: какіе же это законы, которые допускаютъ изображенные нами ужасы въ физическомъ и нравственномъ мірѣ? Что за законы, которые поддерживаютъ всеобщую жизнь этого и другаго міра непрерывными бѣдственными пораженіями? Что за законы, скажутъ, по которымъ одни существа не иначе могутъ создавать свое благосостояніе, какъ на гибели другихъ? И на сіе отвѣчаемъ, что если мы не можемъ не вѣрить и по внутреннему своему чувству и по убѣжденію своего разума, что Провидѣніе всегда было, есть и будетъ благимъ, всемогущимъ, святымъ; то можемъ ли быть, чтобы Оно, швоя міръ, не избрало самаго лучшаго? Можемъ ли быть, чтобы Оно безусловно, само опъ себя, назначило бѣдствія для человѣчества? — Слѣдственно, если Ему угодно было сотворить насъ такими, какими мы себя видимъ; то не должно ли быть наше соспояніе самымъ лучшимъ, самымъ благодѣтельнымъ? — Такъ въ семь нельзя не быть увѣреннымъ! Откуда же, спросятъ наконецъ, происходитъ зло? Если законы Природы не могутъ быть причиною всего того, что доселѣ ни предсавляютъ намъ злосчастные факты, то гдѣ заключается наспоящій источникъ сего? —

Не въ собственнѣхъ ли нашихъ заблужденіяхъ? — Углубимся въ сей предметъ и откроемъ самые законы. —

Мы говорили выше, что человекъ, какъ окончательное явленіе Всепворящей Силы — Бога, получилъ свободу и разумъ, — но, какъ явленіе, онъ не могъ произойти въ свѣтъ съ предварительнымъ познаніемъ всего того, что равно обнаружилось въ явленіи. Также мы замѣтили выше, что міръ, слѣдственно и всѣ творенія, находящіеся въ ономъ, не могли быть произведены, не получивъ внутри и вне себя нѣкоторыхъ ограниченій, — и сіи-по ограниченія или условія, въ которыхъ заключается все сошворенное, составляютъ собственно изслѣдуемые нами законы. По сему человекъ необходимо долженъ былъ познавать сіи условія, сіи законы, и потомъ, подобно своему познанію, онъ долженъ былъ дѣйствовать на самый міръ. Всѣ прочія животныя въ своихъ, если можно сказать, желаніяхъ и движеніяхъ руководствуются даннымъ имъ опъ Природы инстинктомъ; человекъ же, кромѣ способности познавательной, получилъ опъ Природы неизмѣняемыя чувства: добра, истины и изящнаго. — И такъ, если бы человекъ, напуществуемый сими благодѣтельными чувствами, всегда вѣрно, неуклонно слѣдилъ своимъ познавательнымъ у-

момъ безусловные и условные законы, и, познавъ оныя во всей точности, приводилъ ихъ въ исполненіе; по какимъ образомъ могло бы произойти зло со всѣми бѣдспвенными своими порожденіями? Дѣйствуя физическими и нравспвенными силами на природу вѣрно и правильно, какъ люди могли бы обманываться въ своихъ желаніяхъ, не разгадывать наспоющейся цѣли своихъ поступковъ, истиннаго своего назначенія индивидуальнаго, общеспвеннаго и народнаго? — Поелику же человекъ во всѣхъ родахъ своей жизни подвергался безпреспаннѣмъ ошибкамъ, заблужденіямъ; — или, увлекаясь спраспиями, не слѣдовалъ внушреннему голосу, напоминавшему о его священнѣхъ обязанностяхъ, или, безъ благоразумнаго усилія познавательной способности, принимался за обсуживаніе разныхъ опношеній вещей и опредѣленіе истинной точки своихъ дѣйспвій; по опсюда уже и происпекали шѣ многочисленныя бѣдспвія, копорыя сопровождали и сопровождаютъ бѣдное человѣчеспво. Я оспавляю здѣсь разсмапривать зло физическаго міра; это соспавляетъ собственно важнѣйшій предметъ умозришельной Философіи. Замѣчу только здѣсь то, что зло физическое бываетъ или слѣдспвіемъ условной жизни нашего земнаго шара; — въ семъ случаѣ оно не есть въ спрогомъ смыслѣ зло — или

слѣдствіемъ неправильныхъ дѣйствій нравственнаго міра, дѣйствій, вызывающихъ, такъ сказать, физическіе ужасы; — въ семь случаѣ виноватъ человекъ, а не Природа. Оставляю также здѣсь подвергать изслѣдованію зло человека, какъ нераздѣльнаго. Сей предметъ равно относится къ Наукѣ, Правосвѣтной Философіи. Моя главная цѣль разсмотрѣть законы міра общественнаго и міра народнаго и изслѣдовать жизнь Наукъ Политическихъ. —

Человекъ рожденъ для общества; люди въ первоначальныя времена своей жизни мало по малу составили разныя поколѣнія; сіи поколѣнія, опять по особеннымъ отношеніямъ, отдѣляясь между собою, положили основаніе бытію разныхъ народовъ. Въ то время, когда поколѣнія во внутреннемъ своемъ быту постепенно раскрывались, вмѣстѣ развивалось самое Правительство, образовывались особенныя классы, замѣчаемые нами въ обществахъ, — и чѣмъ болѣе какое либо Государство успѣло усовершенствоваться, тѣмъ развитіе оного было многосложнѣе, обширнѣе, тѣмъ классы въ ономъ составлялись многочисленнѣе. Государство, какъ и всякое вообще общество, состоитъ изъ нераздѣльныхъ. — Нераздѣльныя живутъ жизнью физическою и нравственною. По сему и общества должны были проявляться въ двоякомъ родѣ жизни, т. е.

жизни физической и жизни нравственной. Къ первому роду жизни принадлежить собствен-
но нами понимаемое богатство; ко второму
роду жизни относится вообще образован-
ность. Изъ сего видно, что каждое общество
должно было дѣйствовать на міръ, предста-
влявшійся оному, съ двухъ сторонъ, т. е. со
стороны физическихъ силъ и со стороны силъ
нравственныхъ. Такъ, усвоивъ себѣ низшую
природу, общество тѣмъ самымъ обнаружи-
вало и поддерживало свою жизнь, нѣкоторымъ
образомъ поддерживало жизнь низшей приро-
ды и наконецъ жизнь земнаго шара. Но люди,
какъ мы замѣтили выше, могли ошибаться
въ своихъ соображеніяхъ и дѣйствіяхъ, они
могли не узнавать законовъ Природы или у-
даляться отъ точнаго исполненія оныхъ; по
сему общества, сообразно симъ уклоненіямъ,
должны были испытывать различныя гибель-
ныя слѣдствія. — Спросимъ: какимъ же обра-
зомъ общества могли раскрываться, совер-
шенствоваться въ политическомъ бытіи,
безъ насущаго познанія законовъ? Вопросъ
сей легко рѣшится можно, какъ скоро мы об-
ратимъ взоръ свой на жизнь частныхъ орга-
низмовъ человѣка. Каждый ли человѣкъ пра-
вильно понимаетъ свою физическую приро-
ду? Имѣетъ ли онъ вѣрное свѣдѣніе о томъ,
какую и въ какомъ случаѣ онъ долженъ упо-

прѣбѣть напр. пищу, чего онъ долженъ осперегаться въ отношеніи вліянія спихій на его организмъ? Словомъ: поспигаешь ли онъ въ точности законы своего физическаго организма, по которымъ онъ сущесвуесть, живесть? — Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Какимъ же образомъ нераздѣльные, не смотря на такое невѣдѣніе, среди тысячи разнообразныхъ дѣйсвующихъ на нихъ явленій, продолжаютъ свое бытіе? — Не ясно ли видно, что это зависишь отъ собсвѣнной, сохраняемой Природою, жизни организма? Природа сама собою щадить, сберегаетъ жизнь, бытіе каждаго челоѣка. Однако, если онъ совершенно идешь вопреки святому, неизмѣняемому назначенію ея, если онъ уже попираесть своими поступками ея законы; то организмъ его или испытываетъ долговременное, сильное боре-ніе съ болѣзнями, или подвергается преждевременному разрушенію. Сии-то болѣзни, безпрерывныя измѣненія нашего организма, и руководсвовали челоѣка къ познанію самыхъ законовъ. Тоже происходило и съ обществами. Общества первоначально раскрывались сами по себѣ, какъ бы безъ сознанія нераздѣльныхъ, составлявшихъ оныя. Дѣйсвіе всеобщей жизни челоѣческаго, или жизни всего земнаго шара, нечувсвительнѣе связывало людей цѣпію взаимныхъ между собою условій.

Но явное нарушение законовъ Природы въ обществахъ было всегда сопровождаемо соразмѣрными пому наказаніями, и сіи-по наказанія заставляли нераздѣльныхъ — гражданъ съ большимъ вниманіемъ и усиліемъ углубляться въ поспиженіе законовъ общесшвенныхъ. Впрочемъ нерѣдко, какъ показываесть опытъ, общества разрушались подъ тяжестію своихъ ошибокъ, заблужденій. Какъ гибель одного человека всегда служила урокомъ для другаго; такъ гибель одного общества научала предосторожности другое. — Не смотря на сіе сходство жизни организмовъ чашпныхъ людей и обществъ, не спрудно замѣшпшь, по чему Науки, заключающія въ себѣ познаніе законовъ для жизни первыхъ, раскрылись ранѣе, нежели Науки, показывающія законы жизни вшорыхъ. —

Обращая взоръ свой на Испорію, мы усматриваемъ, что древніе народы вообще ограничивались слабыми, недоспащочными понятіями о Наукахъ Полищическиххъ. Греки и Римляне имѣли многихъ ученыхъ мужей, прославившихся по разнымъ опраслямъ Наукъ; но сіи ученые едва поспигали жизнь Полищическиххъ обществъ. Здѣсь нужнымъ почитаю прибавишь, что поелику общества имѣють двоякую жизнь: то и законы для однихъ подлежащъ изслѣдованію двухъ Наукъ;

это суть Полипическая Экономія и Полипика. Первая открываетъ законы жизни физической Государствъ, т. е. законы богатства, а вторая показываетъ законы жизни нравственной оныхъ, или образованности вообще. — Причина слабаго раскрытія Полипическихъ Наукъ въ древнія времена была та, что тогда народы были совершенно чуждыми одни другимъ; одно Государство не имѣло доспашочныхъ свѣдѣній о другомъ; каждый народъ спарался сосредоточивать жизнь свою единственно въ себѣ самомъ и черпилъ планы для оной по своему произволу. Слѣдственно, какимъ образомъ тогда можно было постигнуть элемены, такъ сказать, полипическихъ организмовъ, разгадать процессы жизни оныхъ? Но человѣчество продолжало существовать; земной шаръ жизнью своею сохранялъ жизнь какъ нераздѣльных, такъ и обществъ. Среди величайшихъ, грозныхъ перевороповъ, происходившихъ въ сихъ послѣднихъ, Полипическая жизнь болѣе и болѣе раскрывалась, даже тогда, когда казалось, что міръ клонился къ совершенному своему разрушенію. Я говорю о первыхъ эпохахъ среднихъ временъ, эпохахъ глубокаго невежества, суевѣрій, варварства. Обозрѣвая сіи эпохи, невольно разобъясняется съ пріятною, утѣшительною мыслию общаго совершенства.

вованія, хопя оно не подлежащъ никакому сомнѣнію. Ибо, проникая глубже въ разгадываніе жизни общеспвенной, не видимъ ли мы, что древніе народы уже не могли болѣе продолжашъ прежнее свое сущеспвваніе? Они уже совершенно между собою раздѣлились. Слѣдспвенно новые народы должны были начашъ новую жизнь, приняшъ другое, болѣе сообразное съ законами Природы, направленіе, ш. е. жизнь и направленіе ко взаимному своему сближенію. Что же послужило шакому важному преобразованію могущеспвенною, непоколебимою подпорою? Эпо Религія Хриспіанская. Все въ древнемъ нравспвенномъ мірѣ воззывало къ проявленію оной, жизнь человѣчеспва въ самой высшей спепеніи нуждалась въ Божеспвенной руководспельницѣ, и Религія Хриспіанская, явившись, приняла въ обласъ свою Европейскіе народы. За симъ слѣдуешъ благодѣспельное раздѣленіе Европы на многія особенныя общеспва, и болѣе или менѣ сохранившееся между оными сходспво въ нравахъ, обычаяхъ, законахъ и ш. п. — Такимъ-шо образомъ скоро пришли въ движеніе элеменпы жизни общеспвенной; процессы оной вспутили въ сильное, внуспренное броженіе; физическія и нравспвенныя силы воззваны были къ высшему, предназначенному раскрыпію. Народы лучше начали присмашривашъ ко взаимнымъ сво-

имъ дѣйствіямъ, лучше начали замѣчать перемѣны, происходившія отъ разнообразнаго своего направленія. Такъ — мало по малу возникли и Полипическія Науки! —

Первая Наука возродившаяся была Полипическая Экономія, и первая сисстема, въ оной раскрывшаяся, была сисстема Мерканпильная. Всѣ познанія начинающіяся отъ чувспвенности. По сему Наука, Полипическая Экономія, почерпнула свое бытіе изъ того же испочника. Почипать золото и серебро за единспвенное богатство народовъ, а внѣшнюю торговлю и съ оною, съ одной спороны запрещеніе или ограниченіе ввоза иноспранныхъ поваровъ, съ другой поощреніе вывоза своихъ собспвенныхъ произведеній — почипать за необходимое средство наиболѣе добывать оныхъ металловъ, — вопъ основаніе Мерканпильной сисстемы! Скоро открылась новая сисстема, совершенно проптивуположная оной, сисстема Физіокраповъ или Экономистовъ. Сколько первая сисстема была чувспвенная, пракпическая, сполько вторая сисстема была опвлеченная, теоретическая. Земледѣліе заключаетъ въ себѣ единспвенный испочникъ богатства; чиспый доходъ, получаемый отъ земли владѣльцами, сверхъ платы за трудъ и прибыли отъ капипала, составляетъ собспвенно даръ благодѣтельной природы, ко-

порый служить основаніемъ сущесгвованія и раскрытія всѣхъ прочихъ опраслей народной дѣягельности,—вопъ коренное положеніе сисгема Экономисповъ! Сисгема Мерканпильная особенно развилась въ началѣ новыхъ времяъ Испоріи; сисгема же Экономисповъ, основанная Кенеемъ, появилась въ половинѣ 18 спольпія. Первая сисгема преимущесгвенно извлекала свои мнѣнія изъ того, что золопо и серебро были вездѣ главнымъ и общимъ средспвомъ мѣны произведеній; мепаллы сіи всегда находились въ оборотѣ; всѣ произведенія можно было получать посредспвомъ оныхъ. И пакъ не еспесгвенно ли пакіе опыты могли породить спранную и смѣшную мысль, будпо одни только сіи мепаллы и соспавляютъ богапспво? Народы болѣе заботились не о томъ, что дѣйсгвитель-но было для нихъ нужно, но посредспвомъ чего могли пріобрѣсать для себя все нужное; — хопя въ спрогомъ смыслѣ и сего нельзя сказагъ; ибо иногда произведенія получающся безъ всякаго денежнаго оборота, одною непосредспвенною мѣною. Успвержденію Мерканпильной сисгема способспвовало и то, что, во время сближенія народовъ между собою, нѣкопорые изъ нихъ, заключааясь въ предѣлахъ небольшого проспранспва земли, успѣли посредспвомъ внѣшней шорговли до-

спигнушь высокой степени обогащенія; въ ихъ руки непрерывно лились золото и серебро; эпопъ факпъ, слѣдствіе разныхъ физико-нравспвенныхъ обспоятельствъ, могъ съ одной спороны усилишь мысль, чпо только въ сихъ мешаллахъ заключается богатспво, съ другой спороны, чпо внѣшняя поргвля еспъ единспвенный проводникъ къ оному. Но такая система, явно проптивуборспвующая успѣхамъ совершенспвованія гражданскаго, могла ли сущеспвовашъ долгое время? Къ несчастію, люди рѣдко умѣють держашъся благодѣтельной средыны; освободясь изъ одной гибельной крайности, почпи всегда ввергающъся въ другую, неменѣе опасную; опъ шого-по послѣ системы Мерканъпильной родилась система Физіокраповъ. Тамъ всѣ опрасли народной дѣяпельности зависѣли опъ одной поргвли; здѣсь напрошивъ онѣ подчинены земледѣльской промышлености: шамъ богатспво народовъ покупается бѣдноспію другихъ; здѣсь же преимущеспвенно все зависптъ опъ своей исключптельной дѣяпельности. Какъ бы шо ни было, только умы не остановились на сихъ проптивуположныхъ мнѣніяхъ; начались новыя изслѣдованія, изысканія; спали съ большимъ вниманіемъ всматривашъся въ дѣйспвія жизни полицпческаго

организма каждого народа, и произошли видоизмѣненія прежнихъ системъ.

Наконецъ на горизонтѣ Политической Экономіи взошло истинное Свѣпило оной, эпохальная Система Адама Смиша. Трудъ составляетъ главный источникъ богатства, — вотъ краеугольный камень, который былъ положенъ Адамомъ Смишомъ въ основаніи своей знаменитой системы! Системы Меркантильная и Физиократовъ, какъ системы односпороннія, были ниспровергнуты симъ величайшимъ мужемъ. Адамъ Смишъ, можно сказать, создалъ Науку, Политическую Экономію изъ разнородныхъ частей, бывшихъ до него разбросанными. Послѣ него уже сія Наука быспроустремилась къ своему совершенствованію; великіе мужи попеременно слѣдовали одинъ за другимъ, и, повѣряя мнѣнія своего великаго мыслишеля — основашеля, иныя изъ оныхъ совсѣмъ опвергали, другія же напрошивъ исправляли или поясняли. —

Все сіе опноситеся къ Писашелямъ. Что же касается до самыхъ народовъ, то они еще слишкомъ далеки опъ усвоенія тѣхъ мнѣній, которыя уже приняты, раскрыты въ области Политической Экономіи, какъ Науки, — и иначе не могло быть. Ибо Политическая Экономія, не смотря на необыкновенные свои успѣхи, есть Наука въ полномъ

смыслъ новая. Не болѣе 100 лѣтъ прошло, какъ она воздвигла свое царство, — слѣдственно какъ народы могли вдругъ ознакомиться, со всѣми высшими идеями, порожденіемъ глубокаго размышленія и обширнѣйшихъ соображеній? Не поже ли самое мы замѣчаемъ и въ области другихъ Наукъ? — Если прудно и часпо невозможно бываетъ убѣдить просныя умы, управляемые чиснымъ эмпиризмомъ, что богачество состоитъ не въ однихъ только дорогихъ мехаллахъ, а вообще во всѣхъ произведеніяхъ природы и труда; то равно чѣмъ можно увѣрить грубыхъ невѣждъ, что не солнце движется около земли, а земля около солнца? Надобно, чтобы они прежде познакомились съ понятіями о законахъ жизни планетъ, чтобы потомъ могли сами составить правильное, ясное понятіе о движеніи земли.

Медицина еще очевиднѣе представляетъ намъ подобный примѣръ въ своихъ опытахъ. Сколько предразсудковъ, нелѣпыхъ, вредныхъ мнѣній разсыяны между низшимъ классомъ народа относительно болѣзней и способовъ излеченія оныхъ, — и припомъ они имѣютъ такую власъ надъ слабыми умами невѣждъ, что никакіе совѣты, никакія убѣжденія не сильны бываютъ опклонить ихъ отъ рабскаго, механическаго наблюденія оныхъ. Менѣ ли

опъ сего самаго важна Медицина, какъ Наука? — Все, сказанное относительно Медицины, можешь бышь принаровлено къ Полипической Экономіи. — Впрочемъ не всегда наблюденія людей, незнакомыхъ съ Наукою, бывають ложны; напрошивъ нерѣдко у нихъ подъ личиною спранныхъ сокрывающія важнѣйшія истины, — и ученые умы, не разгадавъ сей наружной обманчивости, рѣшительно почипая мнѣнія непросвѣщенныхъ людей за предразсудки, сами чрезъ то впадали въ крайность и заблужденія. — Люди грубые равно почерпали свои мнѣнія изъ наблюденія фактовъ, — и, не видя въ надлежащей ясности всѣхъ соотношеній, связующихъ вещи, при всемъ томъ удачно иногда дѣлали заключенія о феноменахъ по разнымъ признакамъ и другимъ многочисленнымъ соображеніямъ. Не та же ли самая дорога наблюдений предлежитъ и ученымъ? только они изслѣдываютъ ее съ большимъ вниманіемъ, благоразуміемъ, съ большею оспорожностію. И пакъ если могутъ заблуждать умы необразованные; то равно могутъ подвергаться ошибкамъ и образованные. Изъ сего явспвуютъ слѣдующія важнѣйшія истины: 1) что Полипическая Экономія, какъ Наука, въ точномъ своемъ значеніи, не есть исключительное произведеніе чистыхъ умовъ людей, но раскрылась она

изъ жизни человѣчества, и съ раскрытіемъ сей послѣдней должна достигать своего высшаго совершенствованія; 2) что не всегда можно имѣть безусловное довѣріе ко мнѣніямъ Писателей, особенно, когда мнѣнія сіи еще не совсѣмъ обсужены, рѣшены въ области Наукъ, а по сему и приведеніе оныхъ въ дѣйство пребудетъ большей осмотрипельности; 3) что не всегда должно пренебрегать бездоказательными замѣчаніями простыхъ людей, — можешь случиться, что наблюденія ихъ опосредственно фактовъ, будучи предоспавлены времени, обнаружатся во всей своей ясности, — хотя 4) съ другой стороны опыты часно показывали, какъ гипотезы великихъ умовъ, по видимому, дерзкіе, спранные, прошивурѣчившіе въковымъ мнѣніямъ эмпириковъ, оправдывались — спустя нѣсколько столѣтій! — Вообще, поелику опкрытіе каждой истины важно въ жизни людей и народовъ; то нельзя не желать, чтобы какъ Писатели были внимательны и снисходительны къ народнымъ мнѣніямъ и заблужденіямъ, такъ равно чтобы народы дорожили изысканіями, опкрытіями Писателей. Одно только взаимное согласіе Теоретиковъ и Эмпириковъ можешь способствовать скорому и правильному развитію Науки, и въ тоже время можешь предохранить судьбу людей и народовъ отъ не-

благопріятныхъ, внезапныхъ перемѣнъ. Въ особенності Писатели должны одушевляться безкорыстною, безпредѣльною любовію къ человѣчеству, имѣть единственною своею цѣлію спокойствіе и благоденствіе онаго.

Разсмапривая нынѣшнее состояніе Науки, Полипической Экономіи, мы должны признать, что она еще далека отъ полного своего развитія. Хотя многіе пункты оной совершенно рѣшены и не оспариваютъ никакихъ слѣдовъ сомнѣнія объ истинѣ; за то основательное рѣшеніе другихъ пребудетъ времени, новыхъ фактовъ, новыхъ усилій ума. Напр. кто будетъ сомнѣваться теперь, разумѣя по крайней мѣрѣ классъ образованныхъ людей, что богатство состоитъ вообще въ изобиліи всѣхъ матеріальныхъ вещей необходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ; что природа, трудъ и капиталъ служатъ первыми источниками богатства, хотя подъ различнымъ назначеніемъ; что промышленности всѣ равно производительны, и ш. п.? Но Писатели еще не согласились въ своихъ мнѣніяхъ, можно ли допустить неограниченную свободу въ торговлѣ, по какимъ законамъ распространяется народонаселеніе въ сферѣ челоѣчества, какое отношеніе имѣетъ къ оному богатство и обратно, также, какое отношеніе находится между произведеніемъ

и пошребленіемъ богашспва? Всѣ сїи и многіе другіе вопросы оспаюся важными задачами для будущїхъ успѣховъ Науки. Къ чести нашего вѣка можно сказаць только то, что новѣйшіе Писатели весьма счасливо подвинули впередъ Полипическую Экономію и припомъ въ короткое время. Сими успѣхами народы обязаны преимущественно Англіи и Франціи, но уже и Германскіе ученые щцательно занялись дальнѣйшимъ развитіемъ оной Науки. Наспоящїй вѣкъ какъ бы силпсь вознаградиць слабосць, бездѣяпельносць, шупосць среднихъ временъ. —

Нынѣ въ просвѣщенныхъ Государспвахъ обращено величайшее вниманіе на Спашиспику, Науку, заключающую въ себѣ драгоценные факты полипической жизни Государспвѣ. Писатели изобрѣпаюць всѣ способы къ раскрытію многочисленныхъ ея опраслей, по соединеніемъ, по раздробленіемъ своихъ шрудовъ. Не можно изобразить, какія благодѣшельныя слѣдспвія для Наукъ Полипическихъ могутъ произойти опъ такихъ чрезвычайныхъ усилий. Тогда-по, безъ сомнѣнія, Полипическая Экономія займепъ всю свою необозримую обласць, между шѣмъ, какъ наспоящая ея сфера кажется самою шѣсною. Писатели шеперь большею частію ограничиваюся изложеніемъ однихъ коренныхъ зако-

новъ физической жизни Государствъ; они стараются, согласивъ свои противоположныя мнѣнія, подвесити оныя подъ немногія неизмѣнныя, пвердыя начала. Но совершеніемъ сего труда не окончатся успѣхи Полипической Экономіи; напропивъ она займется въ послѣдствіи поспиженіемъ всѣхъ частныхъ, особенныхъ законовъ, прослѣдитъ въ соображеніи всѣ важнѣйшія исключенія, копорымъ подвергаются общіе законы. Нерѣдко Писатели Полипической Экономіи обвиняють за мнѣнія совсѣмъ несправедливо, именно, потому только, что безусловное исполненіе оныхъ мнѣній на самомъ дѣлѣ при извѣстныхъ обстоятельспвахъ оказывало неблагопріятныя слѣдствія. Въ спрогомъ смыслѣ, можно ли приписывать сіе Писателямъ? Такъ, если бы какое либо Государство, находя, согласно мнѣніямъ нѣкоторыхъ Писателей, вредною для народнаго богатства спрогую запрешительную систему, вдругъ разрѣшило ввозъ иностраннхъ поваровъ по всѣмъ опраслямъ промышленности; что конечно бѣдспвенный переломъ для такого Государства былъ бы неизбѣжнымъ; ибо многіе капиталиспы, по необходимости, понесли бы величайшіе убытки, или и со всѣмъ могли бы разориться. Но на кого пала бы вина такого несчастія? Безъ сомнѣнія, на самое Государство, которое,

приводя въ исполненіе опкрышыя, доказанныя испины, никакъ не должно упускашь изъ виду всѣхъ обспояшельспвъ, всѣхъ исключеній, пребующихъ внимательнаго соображенія, какимъ образомъ общія правила должны бышь примѣнены къ опыту! — Въ семъ соспоишъ самая важная и прудная обязанность Прависпелей! Писапели излагають испины въ теоріи, Прависпели же исполняютъ оныя на опытѣ. — Какъ бы шо ни было, шолько нельзя сомнѣваться, что всѣ часпи Полишической Экономіи, содержащія въ себѣ нынѣ немногія значиспельныя испины, въ послѣдствіи соспавяшъ особенныя опдѣленія сей Науки. Предспавимъ шолько однѣ главныя опспрасли промышленности, какъ шо, земледѣльческую, мануфактурную и шорговую. — Сколько новыхъ, часпныхъ законовъ можетъ бышь опкрышо въ опношеніи къ производиспельности оныхъ? Въ нынѣшнемъ соспоянніи народы занимаються сими промышленностями болѣе механически, по одному движенію, направленію общихъ силъ Государспвъ. — Тоже самое можно замѣшисп опноспительно прехъ испочниковъ раздѣленія богатспва, какъ шо, опноспительно дохода опъ земли, прибыли опъ капишала, плашы за прудъ. Сіи важные предмешы со временемъ займутъ цѣлые шомы изслѣдованій, рассуждений. Если же мы обратимъ

вниманіе наше на издержки, необходимыя для удовлетворенія тысячи потребностей Государственныхъ, и на способы нынѣшняго собиранія податей; что можно сказать рѣшительно, что многія десятилѣтнія потребности для полнаго изслѣдованія сихъ труднѣйшихъ предметовъ Науки Финансовъ. Писатели, подъ именемъ Политической Экономіи, разумѣютъ собственно Науку, занимающуюся опкрытіемъ законовъ народнаго богатства. Слово: богатство, не вполне обозначаетъ обширность и важность оной, какъ Науки. По сей причине я рѣшился лучше опредѣлить Политическую Экономію Наукою, показывающею законы физической жизни Государства. Съ сей точки мы разсматриваемъ какъ бы половинную сторону всего того, что ни относится къ Государству, такъ, что только симъ опредѣленіемъ Политическая Экономія дѣйствительно можетъ заключена быть въ належащихъ своихъ границахъ. — Такимъ образомъ нельзя не быть увѣреннымъ, что при большемъ раскрытіи оной взойдетъ въ ея сферу многое такое, что теперь почитается или недостойнымъ вниманія Писателей, или на что они смотрятъ, какъ на посторонній предметъ Науки. Уже въ новѣйшія времена изслѣдованія о народонаселеніи проникли въ область Политической Экономіи. Самъ

Адамъ Смитъ мало распространялся объ ономъ въ своемъ сочиненіи, хотя сей предметъ входилъ еще въ область другой важнѣйшей Науки, — это есть, въ шѣсномъ смыслѣ понимаемая, Полипика!

Писатели весьма часто смѣшивали сію Науку съ Полипическою Экономіею, утверждая, что послѣдняя имѣетъ своею цѣлю раскрывать законы всего полипического организма, но такое понятіе чрезвычайно сбивчиво. Ибо мы выше показали, что какъ жизнь частныхъ людей физическая и нравственная, каждая имѣетъ свои особенные законы, излагаемые равно особенными Науками, такъ и для двоякой жизни полипического организма, которая есть не что иное, какъ совокупленная жизнь нераздѣльныхъ, должны быть два рода отдѣльныхъ законовъ, и слѣдовательно двѣ Науки. Сравнивая оныя между собою, нельзя не примѣтить, что вторая Наука, ш. е. Полипика труднѣе и важнѣе Полипической Экономіи. Если же въ новѣйшія времена ученые умы преимущественно обратились къ послѣдней, и польза оной содѣлалась ощущительною въ дѣйствіи самыхъ Правительствъ; то сіе должно приписать только тому, что Полипическая Экономія ближе къ нашему соображенію и обнимаетъ необходимыя наши потребности; безъ богатства очевидно ника-

кое Государство не можетъ существовать; но пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и народы равно для своего благосостоянія почувствуютъ нужду въ знаніи Полипики. Для убѣжденія въ семъ, споимъ только разсмотримъ главные ея предметы, какъ Науки. — Такъ — религія, правленіе, законовѣденіе, просвѣщеніе, состоянія всѣхъ сословій, нравственность, словомъ: всѣ части умственной жизни обществъ заключающіяся въ ея познавательной области. Опредѣлимъ, какими законами и правилами должны руководствоваться Государства въ отношеніи ко всѣмъ симъ предметамъ, — вотъ дѣло, подлежащее Полипикѣ! — Весьма немногіе пункты оной до сего времени рѣшены основательно, — такъ напр. въ разсужденіи вѣроисповѣданія терпимоссть, въ разсужденіи законовѣденія уничтоженіе пытокъ и ш. п., въ разсужденіи къ сословіямъ обществъ извѣстная соразмѣрность въ правахъ ихъ и ш. д. Всѣ сіи истины неоспоримы; но онѣ болѣе или менѣе смѣшаны, не развиты каждая въ своей области. Другія же важнѣйшія изслѣдованія Полипики или не точно обозначены, или едва просвѣчиваютъ въ обширнѣйшей ея сферѣ! — Имѣютъ ли основательное понятіе народы о Монархизмѣ, Аристократизмѣ и Демократизмѣ? — Или, если просвѣщеніе полезно для Государствъ, то ка-

кіе предѣлы должны бытъ назначены поспешенному, свободному распространенію онаго? Какія мы знаемъ правила для руководсва опноспельно нравовъ, обычаевъ и. ш. п.? Впрочемъ главный обзоръ связи и дѣйствія предметовъ Полипики совершенно различиспвуетъ опъ исключительнаго обсуживанія оныхъ, — напр. къ Полипикѣ, нами здѣсь понимаемой, не опноспся разборъ, какое должно бытъ самое вѣроисповѣданіе въ Государспвѣ, какіе обряды онаго, или разборъ шого, какое должно бытъ судопроизводспво, какіе законы гражданскіе и уголовные въ часпнспи? — Все равно, какъ въ сферу Полипической Экономіи ни мало не входипъ изслѣдованіе часпныхъ предметовъ физической жизни, напр. какимъ образомъ производипся порговля, какъ обрабошывающся мануфакшурныя издѣлія, или какъ добывающся произведепія земли? Сіи предметы принадлежатъ къ часпнымъ наукамъ, Коммерціи, Сельскому домоводспву, Технологіи. Дѣло Полипической Экономіи, равно какъ и Полипики соспоиптъ въ шомъ, чшобы разгадашъ основныя сппхія двойспвенной народной жизни и опкрышъ общіе для нихъ законы. — Сіи однако двѣ Науки имѣющъ между собою самую шѣсную связь и оказывающъ одна на другую полезное или вредное вліяніе. По сей-шо причинѣ въ Поли-

пической Экономіи иногда касающіяся предметовъ Полипики, а въ Полипикѣ упоминающъ о предметахъ, соспавляющихъ собственно область Полипической Экономіи; напр. въ Полипической Экономіи говорится о производительности нравственныхъ классовъ, хотя сіи классы разсмапривающъ исключительно въ Полипикѣ. Съ другой стороны можно ли не упоминашь въ Полипикѣ о священныхъ правахъ собственности, хотя сіи права служатъ основаніемъ зданія Полипической Экономіи? — Вообще богатство и образованность должны иппи, сколько можно, пушемъ равномернымъ къ своему совершенствованію; одно способствуесть раскрытію другаго. Въ прежнія времена, когда Полипическія Науки еще не были извлечены изъ хаоса фактовъ, народы совсѣмъ не понимали сей важной истины; теперь же она сдѣлалась для всѣхъ свѣтлою, несомнѣнною. Ибо какое благодѣтельное направленіе можно дать нравственнымъ классамъ, какъ то, ученымъ, духовнымъ, гражданскимъ, военнымъ, безъ богатства? Равно не подвигая впередъ сихъ классовъ, можно ли открыть Государству вѣрную, надежную дорогу къ обогащенію? — Я не говорю здѣсь о трудностяхъ, копорую часпо встрѣчающъ Государства въ усовершенствованіи разныхъ отраслей управленія по причинѣ злоупотреб-

блений. — Въ сихъ обстоятельстввахъ по потребности мѣры благоразумія и оспорожности. Полипическій организмъ, какъ и частный организмъ нераздѣльныхъ, можетъ подвергаться болѣзнямъ, и слѣдственно какъ шопъ, такъ и другой должны быть лѣчимы поспешенно. —

Наконецъ Полипическая Экономія и Полипика, двѣ сии Науки, по соединяющіяся, по раздѣляющіяся, сосредоточиваютъ свои дѣйствія въ прешей Наукѣ, — это есть Дипломатія. Дипломатія имѣетъ предметомъ своимъ изложеніе законовъ физической и нравственной жизни народовъ во взаимномъ ихъ отношеніи; она должна показатъ правила, которыми народы обязаны слѣдовать, непрерывно дѣйствуя одни на другихъ. Сія высокая Наука пребуетъ еще чрезвычайныхъ усилій ума и совершенія многихъ фактовъ, для полного раскрытія. По сему нельзя не признаваться, что сочиненія извѣстныхъ нынѣшнихъ Писателей — Дипломатовъ, какъ то, Маршенса, Клюбера, Шмальца и другихъ, весьма недоспащочны для доспигенія сей цѣли. — (*) Въ самомъ дѣлѣ, какія начала ими изложены положишельно? Можетъ ли Наука, какъ

(*) Французскіе Писатели въ недавнія времена начали разсматривать съ высшей точки предметы Дипломатіи.

Наука, состоятъ въ одномъ просомъ указаніи фактовъ, какъ обыкновенно поступали и поступаютъ народы между собою, какіе практисмы или какіе обычаи состоялись между ними во взаимныхъ дѣйствіяхъ? Ибо чѣмъ можно повѣрить, что паковыя введенія были согласны съ законами Природы, разума, и что по сему они должны бытъ обязательными для всѣхъ народовъ и навсегда? Подъ именемъ Дипломатіи я разумѣю вообще условное народное право. (**) Писатели обыкновенно относятъ оное только къ одной Европѣ и разсмаприваютъ въ семь отношеніи положительное народное право Европы. Съ мнѣніемъ ихъ нельзя согласиться, ибо условное право, какъ право, должно существовать для всѣхъ народовъ. Писатели слишкомъ погрѣшаютъ, почиая сію Науку произвольною; все, что ни излагается

(**) Я называю Дипломатію условнымъ правомъ, если мы опредѣлимъ оную отъ собственно Естественнаго Народнаго Права. Въ семь случаевъ Политики и Политическая Экономія также будутъ составлять условныя Науки, Естественное же Право будетъ обнимать безусловную Науку, излагающую начала и правила чисто безусловныя, служащія основаніемъ раскрытія жизни обществъ и народовъ.

въ оной, по мнѣнію ихъ, утверждается на одномъ числѣ произволъ, согласіи извѣстныхъ народовъ, такъ, что не можно полагать на вѣрное, чтобы введенія обычныя, уважаемыя народами въ настоящее время, не были оставлены въ употребленія въ послѣдствіи. — На чѣмъ они основываютъ свои предположенія? — На томъ, что самая Исторія подтверждаетъ дѣйствительность оныхъ, открывая намъ, какъ часто пракшны и обычаи измѣнялись и даже совсѣмъ были уничтожаемы въ продолженіе столѣтій? Сіе мнѣніе неосновательно. Ибо сколько уже находились правилъ, принятыхъ общимъ согласіемъ народовъ Европы, и наблюдаемыхъ съ такою святошью, что и думать не можно о будущемъ измѣненіи оныхъ? Если же мы находимъ еще многія начала не столь швердыми; то сіе происходитъ единственно отъ недосытка изложенія, раскрытія оныхъ. Напр. можемъ ли мы предполагать, чтобы когда либо Государства Европейскія запретили свободный входъ въ свои земли иностранцамъ? Не должно ли скорѣе надѣяться того, что сіе право, теперь во многихъ отношеніяхъ спѣшенное, со временемъ болѣе утвердится, и мало по малу будетъ принято въ одинаковой силѣ всѣми Государствами земнаго шара. Равно можемъ ли быть, чтобы Послы, пред-

спавляющіе священную Особу своихъ Государей, когда либо въ Европѣ поперяли усвоеныя нынѣ имъ особенныя преимущества? Напропивъ, не должно ли совершился введеніе сихъ послѣднихъ даже между народами другихъ часпей свѣта? Но какъ народы должны поступать между собою опносительно иноспранныхъ Государспвенныхъ и другихъ преспутниковъ, и какимъ они должны слѣдовать правиламъ полишки во время внуспренныхъ своихъ перевороповъ и ш. д., безспорное рѣшеніе подобныхъ пунктовъ Дипломатіи пребуешъ высшаго раскрытія народныхъ связей и Науки. Конечно въ разсужденіи самыхъ проспыхъ обычаевъ, церемоній нельзя думать, чшобы они съ ушпченіемъ и благороживаніемъ вкуса не измѣнялись безпрерывно, какъ шо мы видимъ и въ опдѣльныхъ общесствахъ; однако и здѣсь чистаго произвола въ спрогомъ смыслѣ признашь нельзя, ибо всякое введеніе имѣешъ свое основаніе въ природѣ челоѣка, общесствѣ, въ свойствѣ вещей. И шакъ важность изложенія Дипломатіи состоитъ не въ шомъ, чшобы показать, какъ народы могутъ поступать и спступають одни въ опношеніи къ другимъ, но въ шомъ, какъ они должны неуклонно дѣйспвовать, сообразно своему назначенію, цѣли своей, взаимной своей пользѣ, — иначе, они неизбѣжно бу-

душь подвергаться бѣдспвеннымъ переворопамъ. Самая непріязненность, досель волнующая народы, откуда происпекаетъ, какъ не изъ сего источника? — Но мы выше сказали, что общесства живутъ, совершенспвуются, не смотря на то, что поступаютъ часто вопреки законамъ Природы; такъ равно живеть и развивается все человѣчеспво, заключающее въ себѣ совокупность народовъ. Это есть непремѣнное слѣдствіе поспепенно раскрывающейся жизни земнаго шара. Общесства обнаруживаются въ двоякомъ родѣ жизни, жизни физическои и нравспвеннои. Одинаковый организмъ находится и въ человѣчеспвѣ, — и какъ легче было поспигнуть организмъ нераздѣльныхъ, нежели организмъ цѣлыхъ общесствъ; такъ удобнѣе и скорѣе можно было познакомиться съ законами организма полипического, нежели съ законами организма всѣхъ народовъ, или всего человѣчеспва. Вопъ по чему Дипломатія находится еще въ младенческомъ соспояніи! Нельзя изобразить, въ какой степени Наука сія необходима для благососпоянія людей и народовъ! — Полипическая Экономія беретъ на себя обязанность обезпечивать благососпояніе физическое Государствъ въ опдѣльности; Полипика имѣетъ цѣлю своею охранять нравспвенное благоденствіе оныхъ, а Дипломатія должна имѣть

въ своемъ виду то и другое во взаимномъ
отношеніи между собою народовъ. Осмѣли-
ваюсь думать, что для полного и совершен-
наго развитія всѣхъ сихъ Полипическихъ На-
укъ болѣе или менѣе, смотря по ихъ важно-
сти и трудности, потребны цѣлыя столѣ-
тія. — Какой же тогда феноменъ предста-
вишь изъ себя человѣчество? — Для разгада-
нія сего, надобно сообразить всѣ эпохи пре-
жнихъ прошедшихъ временъ и сравнить оныя
между собою и съ наспоющею нашею эпохою.
Такъ — могли ли древніе составить себѣ яс-
ное понятіе о томъ, что произойдетъ съ
участіемъ людей и народовъ чрезъ два тыся-
щелѣтія? Могли ли тогда думать они, что-
бы Европа достигнула нѣкогда такой блиста-
тельной степени обогащенія и образованно-
сти, на какой представляетъ ее наспоющее
время? По сему, когда человѣчество разовьетъ
ся во всѣхъ своихъ физическихъ и нравст-
венныхъ силахъ, когда Науки, нами означен-
ныя, совершенствуются вмѣстѣ съ онымъ, рас-
кроются въ своихъ многочисленныхъ опра-
скахъ; тогда и міръ будущій не будетъ по-
ходить на міръ наспоющій! — Не смѣя обо-
значить всѣ предметы жизни общества и на-
родовъ, которые послѣдуютъ своему будуще-
му совершенствованію, я однако укажу хотя
на нѣкоторыя главные изъ оныхъ. —

Въ Полипической Экономіи взаимное отношеніе между богатствомъ и народонаселеніемъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, доселѣ не разрѣшенныхъ Писателями. Они угрожаютъ своими мнѣніями человѣчеству въ будущемъ. По ихъ эмпирической теоріи слѣдуетъ думать, что въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій земной шаръ долженъ, такъ сказать, нагрузиться народонаселеніемъ, и чрезъ то долженъ припсти не въ состояніе доставлять необходимаго количества потребляемыхъ произведеній; народонаселеніе будетъ несоразмѣрно переполненности земли; богатство сей послѣдней будетъ недостаточнымъ для поддержанія огромнаго бремени, состоящаго изъ существъ свободно-разумныхъ. Каждый человѣкъ есть царь земли; но для царя земля не будетъ уже служить; онъ долженъ оспаться на жертву голоду. Таковы мысли многихъ новѣйшихъ Писателей! Я рѣшительно отвергаю оныя, какъ мысли нелѣпыя, и вѣрю въ противное. Не входя здѣсь въ подробное философское изслѣдованіе сего вопроса, я только сдѣлаю общее замѣчаніе. 1е Извѣстны ли намъ всѣ пѣ земли, копорыя предоспавлены Природою человѣку въ обладаніе для его пропитанія? Англія, въ копорой проявился основатель означенной системы народонаселенія — Мальпусъ, составля-

ещь малѣйшій уголокъ земли. Не спранно ли дѣлать опть оной заключеніе ко всему земному шару? 2е. Измѣрена ли умомъ человѣческимъ будущая возможность плодородія всѣхъ земель нашей планеты? 3е. Разгадано ли безошибочно, какими улучшениями и какими новыми способами производимости должно будетъ ограничиться обрабатываніе сихъ земель, и равно какія попреблемыя произведенія непременно должны оспаться присвоенными шолько нѣкоторымъ климапамъ? Не ясно ли опытъ показываесть намъ прошивное? Не видимъ ли мы, какъ климапы поспепенно вездѣ, измѣняясь, улучшаются; какъ безпреспанно одни произведенія, необходимыя для жизни, замѣняются упопребленіемъ другихъ; какъ изобрѣшательный умъ человека успѣваесть побѣждасть самыя непреодолимыя, по видимому, шрудности низшей природы? Если же мы замѣчаемъ, что люди во всѣ эпохи своей жизни погибали тысячами среди бѣдспвій физическихъ и нравспвенныхъ; шось другой спороны богатспства, поддерживающія жизнь людей, не гибли ли гораздо въ большей пропорціи? Я увѣренъ, что пройдушь шпольшія, и Писатели, мнѣніями копорыхъ, къ несчастію, сильно увлеченъ былъ нынѣшній вѣкъ, будутъ производить въ образованномъ попомспствѣ удивленіе и сожалѣніе сколь-

ко рѣзкими, сполько несправедливыми своими мыслями о силахъ природы. По ихъ заключеніямъ, люди и народы рано или поздно при-
нуждены были бы испреблять одни другихъ, покушались на ужасныя пресшупленія и злодѣянія, — но такія понятія о будущемъ явно противурѣчаютъ предполагаемому нами нравспвенному совершенспвованію. Думаешь же, что физическія бѣдспвія въ злосчастную эпоху народонаселенія, такъ сказать, выступяють изъ всѣхъ своихъ предѣловъ на пораженіе онаго, и ужасно и безразсудно; ибо самыя факты намъ показываютъ, что, не смотря на подобныя явленія совершавшіяся и совершающіяся, физическая однако природа вообще спановилась болѣе мирною; она какъ бы стараеця щадить жизнь и благоденспвіе человѣчеспва, болѣе и болѣе распроспраняющагося по лицу земнаго шара. — Наконецъ, если мы вѣримъ мудроспи, всемогущеспву и благоспи Провидѣнія; то какъ можемъ думать, чтобы Оно въ самомъ основаніи жизни земнаго шара положило зародышъ всѣхъ бѣдспвій для человѣчеспва? чтобы низшія силы природы, по безусловному распоряженію Онаго, не соопвѣспвовали назначенію, раскрытію силъ высшихъ? — И такъ оспанемся совершенно покойными въ семъ опношеніи, будемъ увѣренными, что богашспво къ наро-

донаселенію и народонаселеніе къ богатству, по законамъ Вѣчнаго, должны находиться въ совершенной соразмѣрности, — и какъ то, такъ и другое найдуть въ Наукѣ, Полиэкономической Экономіи, свою примирительницу. —

Другой вопросъ, ожидающій своего рѣшенія въ будущемъ, есть неограниченная свобода торговли. При слабомъ вниманіи на состояніе Государствъ, нельзя не видѣть, сколько оспанавливаясь, замедляющія успѣхи торговли Государствъ земнаго шара опъ введенія въ оныхъ запретишельной системы, — безпрерывныя перемѣны опносительно разрѣшенія и запрещенія ввоза и вывоза товаровъ видимо нарушаютъ весь порядокъ, постепенное развитіе многочисленныхъ отраслей промышленности. Конечно, рѣшительное всеобщее уничтоженіе сей системы въ новѣйшія времена могло бы произвести такое зло, которое прудно было бы поправитъ цѣлыми будущими спользіями; выгоды однихъ капиталистовъ едва ли могли бы вознаграждать безчисленныя попері другихъ. При всемъ томъ истина оспается несомнѣнною, что рано или поздно неограниченная свобода торговли воспоржесвуесть надъ народными предразсудками, смѣшнымъ, жалкимъ спрахомъ эмпириковъ! Ибо только подъ симъ условіемъ всѣ земли обитаемой нами планеты могутъ

вполнѣ раскрыться въ своихъ силахъ, и избрѣшательность, лелѣемая физическою природою, достигнеть своего высшаго предназначенія; по сему богатство, избытокъ во всемъ, только при существованіи свободы торговли, могутъ содѣлаться удѣломъ всѣхъ народовъ и всѣхъ сословій каждаго народа.— Впрочемъ, чего не можешь сдѣлать сама по себѣ Политическая Экономія, въ томъ руку помощи подасъ ей Политика. —

Такъ и сія Наука, во время полного своего развитія, представитъ любопытнѣйшую и столько же драгоценную картину усовершенствованія нравственной жизни политическихъ организмовъ! Изъ главнѣйшихъ предметовъ оной будетъ просвѣщеніе, которое въ сію блистательную эпоху должно разлиться во всѣхъ сословіяхъ у всѣхъ народовъ. Нельзя безъ чувства сожалѣнія видѣть, какъ много еще находится народовъ, погруженныхъ въ глубокое невѣжество! И даже — есть ли хотя одно Государство на земномъ шарѣ, которое бы могло гордиться совершеннымъ народнымъ образованіемъ? Потребны споспѣшія, чтобы Англія и Франція, нынѣшнія просвѣщенныя Государства, могли достигнуть сей высокой степени народного назначенія. Конечно этого нельзя и ожидать, чтобы всѣ люди когда либо въ одинаковой

степени наслаждались плодами образованія; по крайней мѣрѣ, просвѣщеніе не будетъ казаться исключительною принадлежностію только нѣкоторыхъ сословій. Просвѣщеніе есть свѣтъ нравственный; что бы люди и народы могли съ успѣхомъ достигать цѣли своего благосостоянія, надобно, чтобы они, сколько можно, болѣе пользовались симъ свѣтомъ. Тоже должно замѣтить относительно самыхъ достояній, усвояемыхъ всѣмъ сословіямъ общества. Полипика нѣкогда укажетъ, какія достоянія собственно принадлежатъ каждому званію, и, безъ сомнѣнія, никакое изъ сихъ послѣднихъ не подвергнется униженію; ибо всякой прудъ, всякое занятіе, служащія для общественной пользы, заслуживаютъ уваженіе по мѣрѣ своего на оную вліянія. Классы нравственные: ученый, военный, гражданскій, духовный, и классы физическіе: земледѣльскій, мануфактурный, торговый, всѣ равно знакомятся съ свѣтлою истиною, что всѣ они, составляя одно общество, образуютъ одно плѣмя, котораго каждая часть необходима для бытія и благосостоянія другой. Такимъ образомъ недоброжелательство, корень многочисленныхъ гражданскихъ бѣдствій, должно исчезнуть вездѣ. Осмѣливаюсь думать, что самыя преступленія будутъ составляться тогда рѣдкое явленіе въ нравственно-поли-

пическомъ мірѣ. Ибо кто, согрѣшый пламенемъ благородныхъ чувствованій, не знаетъ, что оныя бывають болѣе несчастнымъ слѣдствіемъ испорченности самыхъ обществъ, шакъ, что мы пришли бы въ величайшее затрудненіе — опредѣлить со всею точностію, кого, по справедливости, должно считать истинною причиною золь, совершающихся предъ нашими глазами? Мы нерѣдко обвиняемъ въ оныхъ того, кто, можетъ быть, имѣетъ полное право обвинять насъ самихъ. Мысль сколько несправедливая, сколько и жестокая, будто пресупленія и бѣдность назначаются по непремѣннымъ законамъ Природы въ удѣлъ какой либо части людей; все это является [уже въ мірѣ дѣйствующемъ; слѣдственно все это и есть порожденіе его дѣйствій. Возвышенная Полифика открываетъ обществамъ способы, какъ уничтожать, смягчать пресупленія, и въ тоже время благоухивать человѣчество! Чтобы пріобрѣсти хотя малое понятіе о предполагаемомъ здѣсь состояніи гражданскихъ обществъ, надобно только взглянуть на разныя мудрыя, благодѣтельные мѣры опосредственно сихъ предметовъ, нынѣ предпринимаемыя и непрерывно улучшаемыя нѣкопорыми Государствами земнаго шара. Они ищущаютъ всѣхъ средствъ, всѣхъ усилія къ облегченію человѣчества, спраж-

дущаго подѣ игомѣ бѣдноти и пресупленій. Такъ — въ блистательную эпоху раскрытія Полипики, Правительствѣ утвердился на прочномѣ, непоколебимомѣ основаніи; они получаютъ принадлежащую имѣ силу, важность и благотворительное дѣйствіе на полипическій организмъ, въ которомъ они служатъ центромѣ жизни. Подданные же, содѣлавшись почтенными, миролюбивыми, со всѣмъ радушіемъ будутъ содѣйствовать общими силами исполненію благоразумныхъ намѣреній, предпринимаемыхъ Верховною Властію; они тогда разлучатся съ нелѣпою мыслію, будто Правительствѣ живутъ единственно для себя, а не для общей пользы, будто не одна и та же жизнь, разливая по Государству, сохраняютъ взаимное бытіе и счастье Государей и подданныхъ. Равнымъ образомъ всѣ отдѣльныя части полипического организма, подъ руководствомъ Полипики, примутъ истинное свое направленіе, сообразное съ законами Творца природы. —

Но прежде, нежели исполнится предполагаемое нами совершенствованіе нравственно-полипического міра, должны болѣе и болѣе восходить успѣхи и важнѣйшей Науки — Дипломатіи. Сею-то Наукою уже должны увѣнчаться вѣковые подвиги человѣчества! Ибо въ ней, какъ нами замѣчено выше, заключаеш-

ся послѣдняя степень величія и достоинства
оного. Такъ — когда народы, живя жизнью об-
щю, разовьются въ своихъ безусловныхъ и
условныхъ соотношеніяхъ, тогда они какъ бы
сольются въ одинъ народъ. Войны, сіи ужас-
ные бичи благосостоянія ихъ, должны исче-
знуть съ лица земли; онѣ суть порожденіе
эгоизма и невѣжества; слѣдственно онѣ не
будутъ терпимы въ эпоху высокаго просвѣ-
щенія. При томъ онѣ и сами по себѣ содѣ-
лаются невозможными. Уже нынѣ Европа въ
полной мѣрѣ чувствуетъ всю тяжесть, всѣ
бѣдственныя слѣдствія оныхъ; при совершен-
номъ же раскрытіи богатства и народонасе-
ленія, каждое непріязненное дѣйствіе, не го-
воря уже о кровопролитныхъ войнахъ, должно
нести за собою ужасы разрушенія не въ од-
номъ народѣ, но болѣе или менѣе между всѣ-
ми народами. Спрашась за себя, каждое Госу-
дарство будетъ спрашиваться за другихъ. Ко-
нечно, прочія части свѣта еще рождаютъ въ
насъ нѣкоторый страхъ, относительно сво-
его будущаго состоянія; но и для нихъ при-
мѣръ Европы можетъ служить благодѣтель-
нымъ путеводителемъ. Испытанныя ею без-
численныя бѣдствія научаютъ другія части
свѣта мудрой осторожности. Нѣтъ ни како-
го сомнѣнія, что такъ называемое Политиче-
ское Равновѣсіе, теперь играющее столь

важную роль въ Полипикѣ Европейскихъ Государствъ, со временемъ потеряетъ свой вѣсъ. Чшо есть Полипическое Равновѣсіе? — Это есть взаимное охраненіе своихъ правъ между народами. Слабые и сильные соединяются одни съ другими, чшобы общими усиліями проптивустоять народу могущесственному, честолюбивому, кошорой, какъ морской пошокъ, выходя изъ береговъ своихъ, спремится къ испребленію всѣхъ преградъ, защищающихъ народную безопасность. Мѣсто Полипическаго Равновѣсія, споль непостояннаго, подверженнаго безпрерывнымъ измѣненіямъ опъ измѣненія полипическихъ обспоятельствъ Государствъ, займутъ общее доброжелательство, общее желаніе содѣйствовать общему благу народовъ. — Тогда-шо въ полной мѣрѣ совершатся благороднѣйшія желанія одного изъ наилучшихъ, добродѣтельныхъ Монарховъ, Генриха IV, осущесвляясь, доселѣ считаемя грезами, думы великихъ Философовъ — Полипиковъ, видѣть когда либо водвореннымъ миръ, шину между всѣми народами! Не учредится ли тогда и самая magna civitas Волфа, или не составится ли изъ всѣхъ народовъ земнаго шара одна Республика? — Дѣйствительно; но сіе народное общесство обозначаетъ шолько собою извѣстное сліяніе народовъ. Одинаковая вѣра, шо есть, Хри-

спіанская, одинаковое повсемѣстное уваженіе Верховной Монархической Власти, одинаковое усвоеніе народами законовъ Природы въ законодательствѣ и прочихъ опрасляхъ внушренняго и внѣшняго управленія, извѣстное единообразіе въ обычаяхъ, нравахъ и проч. все сіе соспавипть нѣкопорымъ образомъ изъ народовъ одно цѣлое, одно общество, которое однако будетъ опличаться въ своихъ многочисленныхъ частяхъ разными условными опношеніями, приличными каждому особенному Государству. Такимъ образомъ, челоѣколюбіе, Папріопизмъ, Космополипизмъ мало по малу сольются въ общую любовь къ Человѣчеству! — Какая величественная и вмѣстѣ ушѣшипельная картина въ будущемъ! —

Впрочемъ не должно забывашъ, что все, сказанное доселѣ въ опношеніи къ будущему, все что соспавляетъ еще однѣ идеи. Сіи идеи какъ искры, блиспали въ самыя опдаленныя времена въ умахъ великихъ, благодѣштельныхъ геніевъ; онѣ какъ бы обозначали собою путь, по коему неуклонно должны были шеспвовашъ люди и народы. (*) Даже бурныя эпохи

(*) Сіе-то показываешъ, по чему въ жизни великихъ людей всегда заключается нѣчто особенное, — мы примѣчаемъ въ оной явные слѣды Прови-

варварства, невѣжества, эгоизма, помрачавшія полипическій горизонтъ Государства, не могли испребыть стремленія въ оныхъ къ посспенному сихъ идей осуществленію. Но если народы боролись съ величайшими бѣдствами тогда, когда слишкомъ опдавались отъ своего назначенія, освящаемаго внушрнимъ свѣпильникомъ ума; то съ другой стороны горе было и тѣмъ народамъ, которые вопреки всѣхъ условій, пропивуборствуя законамъ физической и нравственной природы, хотѣли совершеніемъ безразсудныхъ своихъ намѣреній опередить цѣлыя сполннія, назначеніе позднѣйшихъ временъ ускорить приведеніемъ въ дѣйство своихъ мечпаній! Законъ посспенности есть священный, неизмѣнный законъ условной жизни всего существующаго! — Народы, составляющіе въ общей своей неразрывной связи одно человѣчество, имѣютъ, подобно частнымъ людямъ, свои возрасты. Они должны пережить свой вѣкъ младенчества, вѣкъ возмужалости и вѣкъ старости. Не спору, что нельзя еще рѣшительно опредѣлить сіи возрасты и разграничить

дѣнія. Это происходитъ отъ того, что въ великихъ людяхъ сосредоточивается въ болѣе спелой степени всеобщая жизнь человечества. Но люди всѣ одинаково люди! —

всѣ главнѣйшія эпохи оныхъ; по крайней мѣрѣ, полагаешь можно, что если только доступно нашему уму высокое постиженіе жизни человѣчества, то право разгадывать ее принадлежитъ собственно Полипическимъ Наукамъ, ибо изслѣдованіе законовъ Природы, совершаемое чрезъ наблюденіе фактовъ, представляемыхъ Исторіею народовъ, нѣкоторымъ образомъ можешь служить способомъ къ измѣренію самыхъ возрастовъ ихъ жизни, слѣдственно самой жизни земнаго шара.

При семъ могутъ нѣкоторые спросить, что если все, изложенное выше, составляетъ однѣ идеи; то не могутъ ли сіи идеи навсегда оспаться идеями? Люди не всегда ли были и будутъ людьми? Можно ли предполагать, чтобы они, въ какую либо эпоху своей жизни, разобшились со слабостями, заблужденіями, пороками? Вопросъ сей весьма важенъ. Такъ, дѣйствительно, — люди всегда должны быть людьми. Однако те опыты показываютъ, что народы, не смотря на непрерывныя свои уклоненія отъ законовъ Природы, при всемъ томъ болѣе и болѣе подвигаются къ совершенствованію. Въ такомъ ли видѣ было человѣчество, спустя тому тысячъ лѣтъ и даже одно столѣтіе, въ какомъ видѣ оно представляется намъ нынѣ? Сравнимъ только народы въ разныя эпохи ихъ жизни по

богашеству, просвѣщенію и облагороживанію чувствованій, и мы увидимъ чрезвычайное различіе между оными. 2е. Мы также замѣчаемъ, что съ возрастомъ народовъ раскрываюся поспешенно Науки, а съ раскрытіемъ Наукъ совершенствуются самые народы. Какъ же намъ не быть увѣренными, что рано или поздно Науки непременно должны достигнуть предназначеннаго, полного своего раскрытія, должны обнажить предъ нами Природу во всѣхъ ея безчисленныхъ опшѣнкахъ? А если такъ; то какимъ образомъ народы, ознакомясь съ Науками, или съ законами Природы, не послѣдовали бы по ихъ указанію? — Но люди при всемъ томъ должны оспаваться людьми; слѣдственно мы только не можемъ рѣшительно опвергнуть того, что и въ будущія времена народы могутъ подвергаться ошибкамъ, могутъ уклоняться отъ спрогихъ требованій просвѣщеннаго ума, а слѣдственно они могутъ испытывать какъ физическія, такъ и нравственно-полипическія болѣзни. Сіе пошому кажется болѣе вѣрояшнымъ, что Природа, безъ всякаго сомнѣнія, безусловно назначала добро для всѣхъ временъ народной жизни; нельзя и думать, что бы она, по своимъ свяшымъ законамъ, предопредѣлила для однихъ эпохъ зло, а для другихъ одно добро. Если же прежнія эпохи жизни че-

ловѣчествѣ показывають намъ счастье народовъ сквозь мрачныя тучи ужасныхъ золъ; можемъ ли мы совершенно опдалить отъ себя такую же прискорбную мысль и въ отношеніи къ будущему? — Впрочемъ, что было, того уже переменить нельзя; а попому намъ остается только жалѣть о прошедшихъ бѣдствіяхъ и даже тѣхъ, копорыя испытываетъ насъоящій нашъ вѣкъ; относительно же будущаго не лучше ли намъ питать въ себѣ упѣшительныя и пріятныя надежды? Спрахъ будущаго зла нечувствительно ожесточаетъ души, подавляя въ нихъ заключающіяся сокровенныя силы. Для чего же намъ спрашиваться того, чего мы не знаемъ? Для чего бояться намъ, такъ сказать, самихъ себя?

И такъ вѣримъ послѣдующія спользія опышному благоразумію будущихъ поколѣній челоувѣчествѣ! Съ симъ вмѣстѣ пожелаемъ со всею искренностію, полношю нашихъ душъ, чтобы люди, обществѣ и народы съ одной спороны неуклонно слѣдовали по направленію законовъ Природы, копорыя будутъ открываемы собственными ихъ, непрерывно совершенствуемыми наблюденіями, сосредоточивающимися въ Наукахъ Полишико-Дипломатическихъ, какъ въ священныхъ кодексахъ; съ другой спороны, чтобы они спремались къ осуществленію сихъ законовъ, какъ идей, со

всею возможною оспорожностію и благоразуміемъ, подъ надзоромъ мудрыхъ Правительствъ! — Богъ не можетъ не любить своихъ швореній; Природа, образъ Его, хранишь въ себѣ законы сей любви; сія-шо любовь должна бышь руководительницею во всѣхъ желаніяхъ, дѣйствіяхъ нераздѣльныхъ, обществъ и народовъ. — Подъ сими только условіями, согласіе и миръ, спокойствіе и благоденствіе воздвигнутъ свой пресполь на всѣмъ пространствѣ земнаго шара. Нѣтъ нужды намъ знать, какое мѣсто занимаетъ земля наша, какъ планета, среди безчисленныхъ небесныхъ шѣлъ. Человѣкъ обладаетъ разумомъ и свободою, — и этого довольно для увѣренія себя, что рано или поздно онъ долженъ пріобрѣсть всѣ достоинства, усвояемыя ему, какъ существу совершенно-нравственному, vlastину своей планеты.

Теперь позволюше мнѣ, П. П., остановиться на нашемъ любезнѣйшемъ Отечествѣ! — Россія составляетъ одно изъ величайшихъ Государствъ земнаго шара. — Наспоящее народонаселеніе оной, необозримое пространство, занимаемое ею, физическія силы природы и нравственные силы народа рождаютъ къ ней чувства благоговѣйнаго удивленія. Одною рукою спанавливая движенія Европы, другою попрягая, направляя движенія Азии,

Россія представляет собою великое нравственное народное лицо. Даже опдаленная Америка видитъ къ себѣ указательный перстъ ея, — и никто не усомнился, что нынѣшняя эпоха ея жизни есть и навсегда пребудетъ достопамятнѣйшею, хотя бы суждено было земному шару еще существовать тысячелѣтнія. При семъ не должны забыть мы, что физическія и нравственные силы нашего Отечества еще не совсѣмъ развиты; земли, пользующіяся климатами почти всѣхъ степей, не усвоили свою возможную производительность, богатство оныхъ еще во многомъ прозябаетъ въ нѣдрѣ; равно и просвѣщеніе, при всемъ быспромѣ своемъ распространеніи, далеко отъ своего назначенія; народный характеръ, обладающій многими необыкновенными достоинствами, попрясаемый, образуемый жизнью народовъ, также не раскрылся въ полномъ своемъ величій, во всѣхъ своихъ особенностяхъ. И такъ на какую блистательную чреду должно будетъ поступить наше Отечество, когда все сіе въ ономъ созрѣетъ, когда всѣ части его организма достигнутъ своего предназначеннаго совершенствованія? —

Дражайшій МОНАРХЪ нашъ, НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ! Тебѣ Провидѣніе, въ настоящее время жизни Россіи, вручило skipепрѣ управле-

нія судьбою сего могущеспвеннаго колосса земнаго шара! Тебѣ назначило Оно возвыситъ славу сего обширнѣйшаго Царства и утвердитъ на прочномъ основаніи благосостояніе вѣрно-подданныхъ! Твоя опытная мудрость, Твое примѣрное правосудіе, Твоя неупомимая попечительность, и, наконецъ, непоколебимая Твоя пвердость, указуютъ Твоему народу самый вѣрный, безопасный путь къ достиженію важнѣйшихъ цѣлей человѣчества. Но, счастливая оный своимъ благопворнымъ царствованіемъ, Ты еще утверждаешь несомнѣнную надежду его на долговременное благоденствіе въ Твоемъ любезнѣйшемъ СЫНѢ, ВЫСОКОМЪ НАСЛѢДНИКѢ, котораго и день пезоименипства, къ полному довершенію наспоющаго поржества, нынѣ празднуемъ. Монархъ единспвенный! Прими нашу къ Тебѣ безусловную преданность, и съ оною прими неизмѣнныя чувства нашей безпредѣльной вѣрности! — Мы испощимъ всѣ свои усилія на то, чптобы оправдать Твое о насъ Опеческое попеченіе, чптобы въ лицѣ нераздѣльныхъ, въ лицѣ гражданъ, въ лицѣ народа содѣлать себя достойными предъ Тобою и чрезъ Тебя предъ самымъ попомспвомъ и человѣчествомъ. —

